

ДУХОВНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТИ И. А. БУНИНА «МИТИНА ЛЮБОВЬ»

УДК 821.161.1

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-148-70-79>

Александр Леонидович РОДИН,

аспирант кафедры литературы и лингвистики
Московского государственного института культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: a.rodin@rvs-law.com

Аннотация: Статья посвящена анализу образа главного героя повести И. А. Бунина «Митина любовь» в контексте некоторых положений христианской антропологии и описанию духовных причин его самоубийства. Автор статьи указывает на духовную деградацию Мити, описывая происходящие с ним события через призму святоотеческого учения о прилогах и развитии в человеке греха в личном плане. Также в статье дается оценка духовным причинам самоубийства Мити, в основе которого лежит порочная связь с Аленкой, оторванность согрешившего Мити от источника жизни – Бога и страстное состояние печали, граничащей с отчаянием.

Ключевые слова: И. А. Бунин, Митина любовь, христианская антропология, грех самоубийства, прилоги, страсть печали.

Для цитирования: Родин А. Л. Духовная деградация главного героя повести И. А. Бунина «Митина любовь» // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №1 (48). С. 70–79. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-148-70-79>

SPIRITUAL DEGRADATION OF THE MAIN CHARACTER OF THE STORY BY I. A. BUNIN "MITYA'S LOVE"

Aleksandr L. RODIN, Postgraduate student at the Department of Literature and Linguistics, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: a.rodin@rvs-law.com

Abstract: The article is dedicated to the analysis of the image of the main character of I. A. Bunin's novella "Mitya's Love" in the context of some provisions of Christian anthropology and the description of the spiritual reasons for his suicide. The author of the article points to the spiritual degradation of Mitya, describing the events happening to him through the prism of the patristic teaching about the sinful thoughts and the development of sin in a person in personal terms. The article also gives an assessment of the spiritual reasons for Mitya's suicide, which is based on a vicious relationship with Alyonka, the isolation of the sinful Mitya from the source of life – God and a passionate state of sorrow bordering on despair.

Keywords: I. A. Bunin, Mitya's Love, Christian anthropology, sin of suicide, sinful thoughts, passion of sorrow.

For citation: Rodin A. L. Spiritual degradation of the main character of the story by I. A. Bunin "Mitya's love". *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 1 (48), Pp. 70–79. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-148-70-79>

Повесть «Митина любовь» – одно из наиболее ярких произведений И. А. Бунина о любви и страсти. Повесть очень динамична: в ней отражена сугубо напряженная духовная внутренняя жизнь главного героя. В христианском понимании духовная жизнь – это сфера бытия человеческого духа¹, сфера отношений и общения человека со своим Создателем – Богом. В этом аспекте духовной деградацией личности является ее отдаление от источника жизни – Бога – через совершение грехов и отсутствие стремления к внутреннему изменению – покаянию. В данной статье анализ проводится с использованием христианского антропологического метода, сущность которого заключается в соотнесение смысла произведения, образов героев, авторской позиции с христианскими богословскими представлениями о сущности и предназначении человека, созданного по образу Божьему, смысле его жизни и взаимоотношениях человека с Богом.

Митя – не статичный персонаж, автор показывает историю его любви, негативные внутренние изменения, которые происходят в Мите и приводят его к смерти. Схематично этапы падения Мити можно описать следующим образом: за точку отсчета можно принять состояние Мити в начале повести – его любовь к Кате, характер их взаимоотношений, причем уже на этом этапе поведение Мити имеет порочный характер. Следующим этапом является состояние наваждения, в котором он пребывает в деревне, тоскуя и вспоминая о Кате. Затем следует история его нравственного падения с Аленкой. Заключительный этап – реакция Мити на полученное от Кати письмо, его отчаяние, уныние и самоубийство.

Следует обратить внимание на наиболее важные свойства Митиного чувства. Любовь Мити к Кате ревнива, эгоистична, она имеет собственнический характер. Любовь же искрення, чистая и возвышенная ищет счастья и блага для возлюбленного. Митина любовь далека от этого, напротив, он стремится к всецелому обладанию Катей: «он ревновал Катю ко всем, ко всему, главное, к тому общему, им воображаемому, чем втайне от него уже будто бы начала жить она» [1, с. 388]. Известный психолог и социолог XX в. Эрих Фромм дает очень точное определение такому чувству: «Если человек испытывает любовь по принципу обладания, то это означает, что он стремится лишить объект своей «любви» свободы и держать его под контролем. Такая любовь не дарует жизнь, а подавляет, губит, душит, убивает ее» [16]. Истинная же христианская любовь жертвенна и не эгоистична по своей природе: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему

¹ Подробнее вопрос трех сторон человеческой жизни – духовной, душевной, телесной – рассматривался нами ранее [11].

верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор, 13:4-7). Совсем не таково чувство Мити к Кате.

Важно отметить также, что любовь юных героев нецеломудренная: «Они с Катей еще не переступили последней черты близости, хотя позволяли себе в те часы, когда оставались одни, слишком многое» [1, с. 285]. Совместный порок не объединяет влюбленных, а, наоборот, разобщает их, губит искренние и чистые чувства.

Этому есть свидетельства и в других литературных произведениях. Так, например, в первом романе В. В. Набокова «Машенька» есть эпизод, описывающий состояние главного героя книги Ганина после первой близости со своей возлюбленной: «В этот странный осторожно-темнеющий вечер... на каменной плите, вбитой в мох, Ганин, за один недолгий час, полюбил ее острее прежнего и разлюбил ее как будто навсегда» [9].

После того, как Митя уезжает из Москвы в деревню, чтобы дать себе и Кате отдых, разобраться в своих чувствах, и особенно после того, как проходит эйфория от полученного им первого письма от Кати, полного нежности и восторгов, начинается пора наваждения Катей, период, когда Митя живет воображением, когда он любит Катю уже вовсе не такой, как она есть, но такой, какой он хочет ее видеть. На этом этапе важной чертой Митиной любви является создание фантазийного образа возлюбленной. Жизнь фантазии – это часто встречающееся и духовно очень опасное явление. Преподобный Никодим Святогорец предупреждает об опасности прельщения и о пагубных последствиях фантазии: «Святые отцы спрашиваются называют ее мостом, через который душебуйственные демоны проходят в душу, смешиваются с нею и делают ее... жилищем срамных, злых и богопротивных помыслов и всяких нечистых страстей душевных и телесных» [10].

Сила наваждения, в котором пребывает Митя, настолько велика, что фантазия о Кате наполняет даже молитвенные обращения Мити к Богу: «он весь дрожал лихорадочной дрожью и молил бога – и, увы, всегда напрасно! – увидеть ее вместе с собой, вот на этой постели, хоть во сне» [1, с. 410]. Очевидно, что такая молитва не может исходить из чистого сердца.

Наваждение изматывает Митину душу и делает ее неспособной противостоять следующему искушению, на которое его подталкивает староста, – искушению развлечься и заполнить внутреннюю пустоту блудом. Человек, живущий в Боге и с Богом, не нуждается в наполнении себя плодами греховный страсти или, по крайней мере, имеет силы и желание для борьбы с искушениями, поскольку он внутренне наполнен и целостен: «таковой не ищет ничего вне Бога, ибо чувствует, что в Нем обрел все благо и нашел все совершенство» [3], а человек, не стремящийся к Богу, свое стремление к счастью реализует через страсти: «Дьявол предлагает людям мысль,

что счастье заключено в удовольствиях, и чем больше удовольствий, тем счастливее жизнь» [8, с. 219]. Это с очевидностью демонстрирует Митина близость с Аленкой и ее последствия.

Митя не с первого раза откликается на намеки старосты, однако после того, как он принимает решение больше не писать Кате и оборвать постоянные поездки на почту, не думать о ней, «всячески ища спасения от нее» [1, с. 414], он попадается на очередную приманку – на слова старосты о том, что пора отложить книжку: Митя «неожиданно для самого себя ответил с притворной простотой и неловкой усмешкой» [там же], что у него нет никого на примете. А затем по ходу диалога его слова становятся все смелее: «Ничего бы я не стал скучиться, будь дело путное и верное, – ответил вдруг Митя бесстыдно» [там же]. А далее, когда староста делает ему уже вполне конкретное предложение – договориться обо всем с Аленкой и заплатить ей, Митя «опять против воли» [там же] отвечает, что за этим дело не станет.

Далее, когда Митя просит старосту все устроить, в юноше появляется стыд – он старается не глядеть на «красную толстую шею старосты» [там же], сидящего рядом с ним на бегунках, потому что староста теперь – свидетель его греха, его соучастник.

Всего в нескольких абзацах Бунин мастерски описывает механизм зарождения греха, как он был описан святыми отцами. Любой грех начинается с прилога² – греховного помысла. Прилогом, соблазном явились для Мити, с одной стороны, заигрывание с Сонькой, а с другой – намеки старосты на развлечение с кем-то из девок. О второй стадии развития греха – сочетании (собеседовании) с прилогом свидетельствуют слова автора о том, что Митя «вспыхнул и неожиданно для себя самого» [там же] ответил в тон старосте, вступил с ним в порочный диалог.

Этап сосложения («сосложение же есть согласие души с представившимся помыслом, соединенное с услаждением» [4]) представлен всем продолжением диалога со старостой, в ходе которого Митя заявляет о готовности заплатить Аленке, просит старосту все устроить: «Что-то дико неожиданное, нелепое и вместе с тем такое, отчего по всему телу проходило знобящее томление, было уже наполовину сделано» [1, с. 416] – грех, задуманный и вселившийся в помыслы, в духовном отношении уже совершен. Вспомним Евангелие: «Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5:28). Завершается глава словами, свидетельствующими об изменении внутри Мити и об изменении его взаимоотношений с Богом: «И уже как-то по-иному, чем прежде, торчала перед ним из-за вершин сада и блестела крестом в предвечернем солнце с детства знакомая колокольня» [1, с. 416]. Коло-

² Эта тема в русской классической литературе активно исследуется А. Н. Ужанковым [12–15].

кольня как образ спасительного, чистого, духовного, уже не вселяет в Митю радость, а служит немым укором для него.

Образ колокольни и колоколов неоднократно возникает в повести – колокола напоминают Мите о красоте, радости, беззаботности и благополучии его детства: на фоне этого в Мите в воскресное утро просыпается надежда на возрождение, очищение, избавление от наваждения: «вдруг явилась уверенность, что Бог милостив, что, может быть, можно прожить на свете и без Кати» [там же]. Однако все рушится уже принятым решением, и Митя, понимая, что идет в церковь, чтобы увидеть Аленку, отказывается от этого, чувствуя, что в церкви «видеть ее нельзя, не надо» [там же, с. 420]. Это яркое указание на то, что все события в повести имеют духовное основание, которое автор не выставляет напоказ, но которое, однако, подспудно прослеживается на протяжении всего повествования.

Следующим этапом развития греха в человеке является борьба, на этом этапе человек еще может отказаться от совершения греха. Как раз на этом этапе Митя колеблется – он, с одной стороны, хочет видеть Аленку, с другой же, – завидев ее, уклоняется от встречи с ней в церкви. Позже, когда староста склоняет его ехать к свекру Аленки леснику Трифону, Митя, будучи в гостях у Трифона, испытывает страх и стыд: «Опять мелькала ужасавшая уже третий день мысль: «Что я делаю? Я с ума схожу!» Он чувствовал себя лунатиком, покоренным чьей-то посторонней волей, все быстрее и быстрее идущим к какой-то роковой, но неотразимо влекущей пропасти» [там же, с. 422].

Очень важен акцент, который уже не первый раз делает автор на том, что Митя делает все это не по своей воле, а под влиянием чьей-то сторонней воли и силы. Как не вспомнить здесь слова апостола Павла: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (Рим. 7:22-24). Как в случае с любым грехом, его совершение – это результат синергии, соработничества человека с дьяволом – именно эта сила, эта воля, бесовское искушение и влечет, толкает Митя к греху.

Далее внутренняя борьба Мити подтверждается еще красноречивее: с одной стороны, ему «особенно стыдно было при мысли, что сейчас войдет Трифон, мужик, как говорят, злой, умный, который сразу все поймет еще лучше Федосью» [там же], но параллельно с этим он думает об Аленке: ««А где же она спит? Вот на этих нарах или в клети?» Конечно, в клети, подумал он» [там же, с. 425]. И Митя оказывается неспособным уступить искушению.

Борьба в Мите не утихает до самого конца, но после того, как он договаривается о встрече с Аленкой на следующий день (примечательно, что Митя и староста едут к Трифону в воскресенье – в день, в который верующие вспоминают воскресение Господа, идут к обедне), его сопротивление

греху уже не имеет силы: «В мыслях, в душе стояло одно: завтра вечером!» [там же, с. 427].

Это указание на то, что грех в Мите укоренился, и Митя находится уже на следующей стадии его совершения, которая именуется пленением, которое «есть насильственное и невольное увлечение сердца, или продолжительное мысленное совокупление с предметом, разоряющее наше добroе устройство» [4]. На этом этапе только объективные внешние причины могут помешать человеку совершить грех. И Митя пугается именно таких обстоятельств: когда он приезжает домой, ему объявляют о том, что на следующий день приедут его брат и сестра, и Митя отказывается ехать встречать их, чтобы не сорвались его постыдные планы.

Последняя стадия развития греха – собственно его совершение: когда Митя идет на встречу с Аленкой, он боится (об этом свидетельствует в частности то, что по дороге он «мелко перекрестился»). Весь день он испытывает «необыкновенное телесное возбуждение» [1, с. 427], которое, однако, «не проникало его всего, владело только телом, не захватывая души. Сердце, однако, билось страшно» [там же], то же ощущение он испытывает в момент встречи: «страшная сила телесного желания, не переходящая в желание душевное, в блаженство, в восторг, в истому всего существа» [там же]. А затем – полное разочарование: «Митя поднялся, совершенно пораженный разочарованием» [там же]. Если телесную греховную потребность он удовлетворил, то пустоту душевную он не заполнил, напротив, – эта пустота стала зияющей бездной, поскольку ничто не может заполнить внутреннюю пустоту человека, кроме Бога.

Таким образом, духовное падение Мити – это динамичный процесс, который с учетом юности и слабости Мити с неизбежностью приводит к логическому завершению его жизни.

Заключительным этапом духовного падения Мити является его самоубийство, причем духовная, экзистенциальная смерть Мити предшествует собственно выстрелу в горло, предваряет и обусловливает его.

Тема самоубийства и смерти пронизывает все повествование. Впервые эта тема появляется в диалоге Мити с его другом студентом Протасовым: последний, сначала называет его «Вертером из Тамбова», что является отсылкой к роману Гёте «Страдания юного Вертера», в котором молодой человек страдает из-за безнадежной любви и стреляется, затем, чтобы приободрить Митю, Протасов напоминает ему строки Козьмы Пруткова: «Юнкер Шмит, честное слово, лето возвратится!»; в начале этого стихотворения встречаем слова: «Юнкер Шмидт из пистолета хочет застрелиться» [7].

Собираясь выходить на улицу, чтобы ехать на вокзал, Митя слышит, как студент, живший напротив, затягивает Азру – строки из романа А. Рубинштейна, в которых повествуется о невольнике, влюбленном в дочь сул-

тана, который, отвечая ей о своем происхождении, говорит: «Я из рода бедных Азов, Полюбив, мы умираем...» [1, с. 392].

Однако наиболее ярким прообразом Митиной гибели стала ария из оперы Гёте «Фауст» со словами «Жил, был в Фуле добрый король...». В этой арии король хранит кубок как дар возлюбленной (параллель с лентой, хранимой Митеей), делая его ценнейшим из своих сокровищ, а затем на прощальном ужине, завещав все свои имения наследнику, кидает кубок в пропасть моря и погибает сам. Морская бездна – символ смерти. Во второй раз как прообраз своей гибели Митя слышит эту арию во сне в ночь перед свиданием с Аленкой: «Ночью он услыхал отдаленную, медлительную музыку и увидал себя висящим над огромной, слабо освещенной пропастью» [там же]. Ничто в жизни не происходит просто так, и цепь аллюзий и искушений Мити, связанных с самоубийством, тоже обусловлена как внутренним состоянием Мити, так и «помощью» извне от духов злобы.

Решение застрелиться приходит к Мите впервые внезапно, когда он посещает старинную опустевшую усадьбу, на балконе которой ему грезится Катя в образе его молодой жены. Будучи пораженным фатальным разрывом между этой мечтой и действительностью, Митя принимает решение застрелиться, если не будет письма. Позже, после первого диалога со старостой, Митя утверждается в этом намерении.

Затем в нем происходит внутренняя борьба (этап внутренней борьбы с искушением), когда он осознает, насколько дика мысль о самоубийстве: «Митя и сам не мог не понимать, что нельзя и вообразить себе ничего более дикого, как это: застрелиться, раздробить себе череп, сразу оборвать биение крепкого молодого сердца, оборвать мысль и чувство, оглохнуть, ослепнуть, исчезнуть из того несказанно прекрасного мира, который только теперь впервые весь открылся перед ним» [там же, с. 412]. Отчасти решение Мити порвать с наваждением, прекратить писать письма Кате и развлечься с Аленкой – это попытка нарушить цепь событий, которые влекли его к самоубийству, но на деле это оказывается новой проделкой дьявола, искушением, которое другим путем, опустошая душу и делая Митю как бы соучастником «чудовищной противоестественности человеческого сортия» [там же, с. 431], ведет его к той же пропасти самоубийства.

В результате своего падения с Аленкой Митя оказывается совершенно беззащитным перед последним сокрушительным ударом: получив прощальное письмо от Кати, он впадает в грех печали, глубокое отчаяние, жизнь для него теряет всякий смысл. Преп. Иоанн Кассиан Римлянин, рассуждая о страсти печали, указывает, что «она в душу согрешившую влагает не намерение исправить жизнь и очиститься от страстей, а пагубнейшее отчаяние. Она-то и... Иде не попустила после предательства взыскивать средств удовлетворения, а увлекла его чрез внущенное ею отчаяние к удавлению» [2, с. 229]. Вместо того, чтобы предпринять попытку выбраться

ся из этого порочного круга отчаяния, зацепиться за что-то, за кого-то – прибегнуть к помощи и любви близких (он слышит голоса мамы, брата и сестры в доме), Митя сам доводит себя до состояния, подобного наркозу опьянения, опустошения: он весь день проводит в парке под проливным дождем, замерзая, рыдая так, что «порой даже сам дивился силе и обилию своих слез» [1, с. 429], выкуривая папиросу за папиросой.

В этом состоянии, замерзший, обессиленный, Митя возвращается в дом и забывает тяжелым, кошмарным сном: ему грезится цепь невыразимо страшных порочных событий, при этом он ощущает ужас, «смешанный, однако, с вожделением, с предчувствием близости кого-то с кем-то, близости, в которой было что-то противоестественно-омерзительное, но в которой он и сам как-то участвовал. Чувствовалось же все это через посредство ребенка с большим белым лицом, которого, перегнувшись назад, несла на руках и укачивала молоденькая нянька» [там же, с. 431].

Вся эта последовательность ужаса и ощущение причастности этому разврату – следствие совершенного Митея с Аленкой греха: Митя дает дьяволу одержать верх над собой, пускает в себя грех и попадает во власть бесов. Он ощущает себя пребывающим в аду еще при жизни, ведь ад – это состояние богооставленности, беспросветности и отчаяния. Преп. Иустин Попович говорит об этом состоянии так: «Что такое ад? – Ад есть чувство дьявола. Если человек чувствует в себе дьявола, он уже в аду» [6]. Митя просыпается «с потрясающе ясным сознанием, что он погиб, что в мире так чудовищно безнадежно и мрачно, как не может быть и в преисподней, за могилой» [там же]: это и есть так называемая экзистенциальная смерть – «опыт богооставленности, который субъективно переживается личностью как тяжелейший опыт смерти, бездны, тьмы, ада. <...> Внутренне оно [это состояние] переживается как одно из самых страшных испытаний человеческого сознания, когда человек ощущает себя стоящим на грани небытия в состоянии глубочайшего отчаяния, без какой-либо поддержки Бога» [8].

Эти мыслиозвучны и утверждениям известного американского клинического психолога Э. Шнеймана, который среди черт, общих практически для всех самоубийц, называет опустошенность: «чувство активной, бессильной внутренней опустошенности, унылое ощущение, что все вокруг совершенно безнадежно» [17]. Можно говорить о том, что именно в этот момент наступает духовная смерть Мити: уже не во сне, а наяву он находится в аду, ощущая физически нестерпимость своего существования, ощущая невыносимую «боль, раздирающую его грудь», то земное, за что он мог бы зацепиться, как за соломинку, представляется ему также невыносимым: «они [голоса родных из зала] были ужасны и противоестественны своей отчужденностью от него, грубостью жизни, ее равнодушием, беспощадностью к нему...» [1, с. 431].

Последней, к кому обращается погибающий Митя, оказывается Катя, возведенная им до степени идола, кумира: «Катя, что же это такое! <...> Ах, все равно, Катя, — прошептал он горько и нежно, желая сказать, что он простит ей все, лишь бы она по-прежнему кинулась к нему, чтобы они вместе могли спастись, — спаси свою прекрасную любовь в том прекраснейшем весеннем мире, который еще так недавно был подобен раю» [там же]. В этот момент происходит крушение Митиного мира — крушение его фантазии, мечты, которую он поставил в своей жизни выше Бога, превыше всего. В этом состоянии раздирающей душу боли Митя попадается на последний обман, последнее искушение дьявола — подсказку, что смерть может избавить его от этой боли, и Митя «не думая, что он делает, не сознавая, что из всего этого выйдет, страстно желая только одного — хоть на минуту избавиться от нее и не попасть опять в тот ужасный мир, где он провел весь день и где он только что был в самом ужасном и отвратном из всех земных снов, <...> глубоко и радостно вздохнув, раскрыл рот и с силой, с наслаждением выстрелил» [там же].

Христианское вероучение говорит нам о том, что человек, умирая, наследует в вечной жизни тот мир, то состояние, в котором он пребывал в момент смерти; и вместо того, чтобы избавиться от ада наяву, обратиться за помощью к Богу, Митя своим произволом, не думая, что он творит, делает этот ад для себя вечным: «таковых [самоубийц] древние и после смерти признавали проклятыми и бесславными» [5]. Повесть оканчивается именно этими словами о самоубийстве, продолжать повествование нет смысла: глубина бездны достигнута, падение в этой жизни завершено, падение загробное вечно.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что осмысление трагической судьбы главного героя повести «Митина любовь» в категориях христианской антропологии имеет серьезные основания в тексте повести и может быть ключом к исследованию произведений И. А. Бунина о любви.

Список литературы

1. Бунин И. А. «Митина любовь» // Полное собрание сочинений в XIII томах. Том 4. Москва. 2006.
2. Добротолюбие. Том 2. Издательство Сретенского монастыря. Москва. 2010.
3. Златая книжица о прилеплении к Богу // URL: <https://azbyka.ru/zlataya-knizhica-o-prileplenii-k-bogu>
4. Иоанн Лествичник, преп. «Лествица или скрижали духовные». Глава 15, пункт 73. // URL:https://azbyka.ru/otechnik/loann_Lestvichnik/lestvitsa-ili-skrizhali-dukhovnye/20
5. Исидор Пелусиот, преп. // URL: <https://azbyka.ru/otechnik/prochee/sokrovishnitsa-duhovnoj-mudrosti/284>

6. Иустин (Попович) Челийский, преп. Философские пропасти. М., 2004.
7. Козьма Прутков. «Юнкер Шмидт» // URL: <https://rupoem.ru/prutkov/all.aspx#vyanet-list-proxodit>
8. Леонов В., прот. Основы православной антропологии. Москва : Изд. Московской Патриархии Русской Православной Церкви. 2013. 456 с.
9. Набоков В. В. «Машенька» // URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/mashenka/mashenka-2.htm>
10. Никодим Святогорец, преп. «Невидимая брань» // URL:https://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Svyatogorets/nevidimaja-bran/1_3
11. Родин А. Л. Рассказ И. А. Бунина «Чистый понедельник» в контексте некоторых положений христианской антропологии // Культура и образование. 2020, № 4.
12. Ужанков А. Н. «Мысленная брань» в повести «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина // Русский язык за рубежом. 2017. № 2. С. 51–56.
13. Ужанков А. Н. Учение о прилоге как духовная основа художественного обрата Анны Карениной // Новый филологический вестник. 2017. № 2. С. 89–100.
14. Ужанков А. Н. Еще раз о «луче света в темном царстве» (О драме А. Н. Островского «Гроза») // Новый филологический вестник. № 4. 2017. С. 179–190.
15. Ужанков А. Н. Святоотеческое «учение о прилоге» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. С. 172–189.
16. Фромм Эрих. Иметь или быть // URL: https://cpp-p.ru/wp-content/uploads/2015/05/Fromm_E%60rih__Imet ili byit.pdf
17. Шнейдман Э. Душа самоубийцы // URL: <http://krotov.info/>